

ДОН КОРЛЕОНЕ
И **ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ**
UNA STORIA ITALIANA

АНДРЕЙ СМИРНОВ

Андрей Смирнов

**Дон Корлеоне и все-все-
все. *Una storia italiana***

«Издательские решения»

Смирнов А.

Дон Корлеоне и все-все-все. *Una storia italiana* / А. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855508-4

Италия — не то, чем она кажется. Её новейшая история полна неожиданных загадок. Что Джузеппе Гарибальди делал в Таганроге? Какое отношение Бенито Муссолини имеет к расписанию поездов? Почему Сильвио Берлускони похож на пылесос? Сколько комиссаров Каттани было в реальности? И зачем дон Корлеоне пытался уронить Пизанскую башню? Трагикомический детектив, который написала сама жизнь. Книга, от которой невозможно отказаться.

ISBN 978-5-44-855508-4

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Союз усов и бороды	8
Глава 2. Вернись в Сорренто	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Корлеоне и все-все-все Una storia italiana

Андрей Смирнов

Роберте и Лепре, без которых не было бы этой книги.

Прежде всего вы должны понять одну вещь: ваша Italy – это не наша Italia. Italy – лёгкий наркотик, распространяемый в предсказуемых формах: холмы на закате, оливы и лимоны, белое вино и черноволосые парни. Меж тем Italia – это лабиринт. Очаровательный, но сложный. Есть риск блуждать в нём годами. Получая бездну удовольствия, разумеется.

Беппе Северини, «Голова итальянцев»

© Андрей Смирнов, 2019

ISBN 978-5-4485-5508-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Италия, наши дни.

Он распахивает глаза, резко приподнимается, судорожно хватая ртом воздух. Нет, ничего. Всего лишь кошмарный сон. Вновь откидывается на подушку, некоторое время лежит неподвижно. Нашупывает на тумбочке пачку сигарет, делает пару затяжек, встаёт, шлёпает в ванную. Открывает воду, поднимает глаза к зеркалу. Смуглая кожа, густые брови, трёхдневная щетина, глубокие залысины, которые он маскирует, брея голову под ноль. Типичный тридцатисемилетний неаполитанец. Накинув халат, он выходит в гостиную.

Его ждут.

Две массивные фигуры в бронезиленках расположились в креслах. На журнальном столике лежит автомат. Это его не удивляет. Он спокоен. За десять последних лет, с тех пор как ему был вынесен смертный приговор, сохранять спокойствие он научился отлично...

Впрочем, мы поспешили, заглянув уже в самый конец истории. Чтобы понять, как и почему наш герой оказался в этой комнате, нам придётся совершить большое путешествие. Пройти через годы, посетив по дороге самые разные уголки Италии и всего мира, познакомиться со множеством персонажей, ни один из которых не является плодом авторского вымысла, и попытаться распутать хитросплетение связывающих их друг с другом реальных событий.

Начиналось же всё почти два столетия тому назад.

Первая половина XIX века, Неаполь, Королевство обеих Сицилий.

Шумная рыночная площадь: торговцы в маленьких лавках, разносчики, зазывалы, нищие, проститутки, дети, бродячие артисты. Прямо на земле идёт игра в кости. Всё очень бедно и, скажем откровенно, не слишком чисто.

Голоса стихают, толпа почтительно расступается. Сквозь неё, не обращая ни на кого внимания, шествует человек. Роскошный, с иголки костюм по последней моде, золотые перстни и цепи, жёсткое, самоуверенное, покрытое шрамами лицо. Большие пальцы рук заложены за проймы жилета.

Кто он? Аристократ? Быть может, даже принц, член королевской фамилии? Ровно наоборот. Его родители были нищими. Организатор игры в кости подбегает к нему, с поклоном вручает позвякивающий кошелек. Человек равнодушно принимает подношение.

А!.. Так он, должно быть, бандит, собирающий дань!.. Но попробуйте поделиться этой догадкой с наводняющими площадь людьми. Если повезёт, и вас не начнут бить сразу, то, во всяком случае, укажут на недопустимость подобных высказываний. Для них он – кумир и благодетель. Каждый обитатель квартала, от честного ремесленника до прожжённого вора, случись что, пойдёт к нему в поисках защиты и справедливого суда... Кто сказал «полиция»?.. Ну да, и полицейский тоже пойдёт именно к нему. Ибо его слово – и есть закон.

Эй, ломи шапку, заезжий сицилиец! Это тебе не твой привычный деревенский донкорлеон. А тонкая столичная штучка: каморрист.

Существует множество гипотез о происхождении Каморры. По наиболее распространённой из них, средневековые протокаморристы были обычной наёмной городской стражей. Затем, с течением времени, перешедшей на самоокупаемость и хозрасчёт. К XIX веку они

сохранили за собой полицейские функции, превратившись в некий гибрид американских шерифов и советских народных дружинников.

В каждом неаполитанском квартале имелся так называемый *guarro*, который следил за соблюдением общественного порядка, приходил на помощь жителям, в случае если им угрожали залётные бандиты, и разрешал конфликты. На должность его никто не выбирал. Для самоназначения на пост достаточно было обладать решительным характером и мастерски владеть ножом. В благодарность же за труды обитатели квартала позволяли ему взимать дань с организаторов азартных игр. Хотя «позволяли» – не слишком подходящее слово. Кто б их, обитателей, вообще спрашивал? Неаполь, однако, – город большой и полный лиходеёв всех мастей. А посему торговцы и ремесленники по собственной инициативе несли участковому каморристу трудовые дукаты, за защиту и протекцию.

«Большой город». Вот ключевое словосочетание для понимания феномена Каморры. Если, скажем, сицилийская мафия – явление изначально сельское, закрытое семейное предприятие, не нуждающееся в рекламе и внимании посторонних, то чтобы преуспеть в подобного рода делах в городе, с его высокой плотностью населения и постоянно меняющимися лицами, нужно быть заметным, нужно быть на виду.

Роскошное одеяние *guarro* – не только дань моде. Но и спецодежда, костюм супергероя. Ведь если ты будешь выглядеть как обычный человек, – вдруг кто-то по незнанию или ошибке тебя оскорбит? Незадачливого горемыку придётся сразу же убить. Нельзя сказать, что эта печальная необходимость каморриста хоть сколько-нибудь смутила бы. Он с большим удовольствием брался за нож. Даже процедура вступления в *Bella Società Riformata*, созданное в 1820 году подобие профсоюза *guarro*, предусматривала банкет, а затем – ритуальную дуэль на холодном оружии. В этом смысле они копировали замашки дворянства, полагая, что шпаги и ножи – выбор мастеров. Но что если потенциальный покойник сам окажется незнакомым каморристом из соседнего района? Возникнут лишние проблемы и сложности. Избежать их, вероятно, позволил бы нагрудный значок «Хочешь умереть? Спроси меня как!» Увы, но подавляющее большинство неаполитанцев совершенно не умело читать.

В общем, всех всё устраивало. Бедняки, которыми и являлось всё население за исключением аристократии, обретали чувство защищённости и уверенности в завтрашнем дне; каморристы получали от бедняков деньги, по их собственному выражению: *sasciavano l'oro dai pidocchi* – добывали золото из вшей; королевская династия Бурбонов – имела возможность освободить полицию от выполнения скучных обязанностей по поддержанию общественного порядка, направив её усилия в гораздо более полезное русло: политический сыск.

Бурбонам было чего опасаться. Королевство обеих Сицилий стояло на пороге катастрофы. Уже недалёк был день, когда его границы пересечёт воинство Красного дьявола. День, в который мафия и политика впервые с интересом взглянут друг на друга. День рождения современной Италии.

Глава 1. Союз усов и бороды

Звучит странно, но Италия – едва ли не самое молодое государство в Западной Европе. Ещё каких-то сто семьдесят лет назад его попросту не существовало на карте.

Итальянцы – были. Итальянская культура – имела. Даже итальянский язык Данте Алигьери уже изобрёл, хотя в 1861 году говорили на нём, по разным оценкам, от двух с половиной до десяти процентов обитателей Апеннинского полуострова. А вот с итальянским государством дела обстояли из рук вон плохо. Территория будущей страны представляла собой мешанину из квази— и полунезависимых королевств и герцогств под австрийским, французским и испанским протекторатами.

К середине XIX века политико-географическая диспозиция, в общих чертах, выглядела так.

На северо-западе, там, где располагаются современные Пьемонт, Лигурия и Сардиния, находилось Сардинское королевство, в котором правила Савойская династия, а управляли те из великих держав, кому было не лень. Потому границы его менялись так стремительно, что отнюдь не лишним было поинтересоваться с утра у соседей: а в каком, дескать, территориально-правовом образовании мы сегодня живём?

На северо-востоке лежало государство под названием Ломбардо-Венецианские Кёниграйх, в котором, как несложно догадаться, правили и управляли австрийцы.

Юг полуострова занимало Королевство обеих Сицилий. Строго говоря, Сицилия и в те времена была только одна, но итальянцы, особенно южные, склонны к преувеличениям. Простим им эту маленькую слабость. Правила там династия Бурбонов, которые были испанцами, а управляла мафия.

Посередине же этого лоскутного одеяла, помимо всякой мелочи, красовалась независимая Папская область. В Папской области был Рим, в Риме – Ватикан, в Ватикане – папа, в папе... нет, стоп. Это уже лишние подробности. Правил всей конструкцией папы, а управляли попы.

Такая ситуация совершенно не устраивала прогрессивную часть итальянской общественности, именовавшую себя Carboneria. Это про них у Грибоедова:

*Ах боже мой! Он карбонарий!
Он вольность хочет проповедать!*

Карбонарии полагали, что вольны иметь единое национальное итальянское государство с республиканской формой правления. То и дело, размахивая ружьями и саблями, они собирались под окнами королевских дворцов, дабы прочесть их квартирантам соответствующую тематическую проповедь. Местные самодержцы, однако, к республиканским идеям относились скептически, запрашивая совета и помощи у самодержцев иностранных.

– Но как же так?! – возмущались карбонарии, погибая под картечным огнём подоспевших международных миротворческих контингентов. – Мы же делаем лучшую в мире обувь. А наш собственный итальянский сапог – разодран на клочки! Хватит это терпеть!

Короче говоря, Италии требовался сапожник. Требовался герой.

15 августа 1769 года в семье итальянских патриотов, мужественно сражавшихся в тот момент против очередной французской оккупации, родился мальчик, которому самым провидением было предначертано стать объединителем нации. Увы, но эта первая попытка закончилась плохо. Мальчик слишком рано увлёкся чтением фривольных французских романов и потому вырос хилым, болезненным и низкорослым. Но это было ещё полбеды. Настоящая проблема заключалась в том, что он всё перепутал: вместо того чтобы стать героем Италии,

по ошибке стал императором Франции. Звали его Наполеоне Буонапарте. Но наш рассказ вовсе не о нём. Пускай его, так уж и быть, забирают себе французы. Не больно-то и хотелось. Нам же он интересен исключительно тем, что этот великий путаник зачем-то временно оттяпал в пользу Франции часть Пьемонта и Лигурию. Вместе с Ниццей.

А там, в Ницце, 4 июля 1807 года родился другой мальчик. Которому суждено было превратиться в величайшего итальянского патриота всех времён. И который по иронии судьбы явился на свет гражданином Франции, носившим французское имя Жозеф-Мария.

Едва научившись ходить, Маша без промедления приступил к совершению подвигов. Уже в возрасте восьми лет он вытащил из моря утопающую прачку. Процесс спасения на водах захватил его настолько, что, вместо посещения школы, он целыми днями торчал на пляже, рассматривая в подзорную трубу морские просторы. В результате к четырнадцати годам успел выудить из волн более дюжины человек. Историки не уточняют, то ли в те времена в Ницце тонуть было настолько модно, то ли окрестные прачки при виде красных плавок и мускулистого торса юного спасателя целенаправленно бросались в пучину вод.

Памятуя о судьбе Наполеона, Машины родители, разумеется, никак не могли одобрить этого весёлого прачечного бултыхания. И от греха подальше определили сына в корабельные юнги. Вскоре шестнадцатилетний Маша отправился в первое большое плавание на торговом судне под русским флагом. Перед расставанием отец сказал ему:

– Сын мой, настало время открыть тебе правду. Во-первых, ты не француз, ты – итальянец. Во-вторых, ты не Жозеф-Мария. Тебя зовут Джузеппе!

– Папаша, – воскликнул бывший Маша, – где ж вы раньше-то были?!.. Французы уже девять лет, как Ниццу Сардинскому королевству вернули. Это ж получается – я зазя всё это время на Марию откликался?!.. Ну да ничего... Зато теперь, как и все приличные люди, я могу сражаться за объединение Италии!

И с этими словами наш герой отчалил в направлении Одессы и Таганрога. В судовой роли свежеиспечённый русский моряк значился как «юнга Джузеппе Гарибальди, итальянец».

Без малого десять лет носился Гарибальди по волнам Средиземного, Чёрного и Азовского морей, пройдя путь от юнги до морского капитана второго класса.

В 1827 году его судно было трижды атаковано греческими пиратами, потырившими у мореплавателей всё, вплоть до одежды. Поживаясь от холода, Джузеппе поинтересовался у своего тогдашнего капитана, тоже голого: почему, дескать, они даже не попробовали сопротивляться? Капитан отвечал в том смысле, что, во-первых, пираты – опасные люди и могут их всех убить, а, во-вторых, тут, на Средиземном море, вообще так не принято.

Вскоре все, включая пиратов, забыли об этом инциденте. Но наш герой – не забыл. В 1832 году, когда корсары вновь попытались взять на abordаж судно Гарибальди – теперь уже капитана Гарибальди! – тот лишь пожал плечами и встретил их ружейным залпом.

– Так нечестно!.. Тут так не принято!.. – кричали пираты, улелётывая обратно в Грецию и беспорядочно стреляя в ответ.

Так Гарибальди обезопасил морские пути от разбойников, а заодно получил первое боевое ранение.

Ещё до того, в 1828 году, Гарибальди приплыл в Константинополь. И застрял там на пару лет, поскольку некстати разразилась очередная русско-турецкая война. Всё это время Джузеппе работал преподавателем итальянского языка. Не очень понятно, правда, где он находил турок, желавших его изучать. Особенно если вспомнить приведённый выше процент итальянцев, которые этим языком в ту пору владели. Впрочем, зная деятельный характер и кипучий патриотизм нашего героя, совершенно не удивлюсь, если он загонял студентов на лекции силой оружия. Так Гарибальди создал первый в истории Институт итальянского языка и культуры за рубежом.

В 1833 году, во время очередного посещения Таганрога, Гарибальди получил пренеприятнейшее известие: в Италии объявился конкурирующий национальный герой. Нового претендента звали Джузеппе Маццини. По профессии он был революционером и первым додумался провести ребрендинг общества Карбонариев, которое его стараниями теперь именовалось *Giovane Italia* – «Молодая Италия». Перестав ассоциироваться с рецептом приготовления спагетти, бывшие карбонарии сразу же обрели столь широкую народную поддержку, что их общественные приёмы открылись даже здесь, в границах Российской империи.

Гарибальди поспешил ознакомиться с программными положениями младоитальянцев. И облегчённо вздохнул. Во-первых, выяснилось, что никакой конкуренции, собственно, и нет. Маццини был героем-теоретиком и предпочитал сидеть не на баррикадах, а в уютных кафе Женевы и Лондона. Там он мог без помех дискутировать о бродящих по Европе революционных призраках с обитавшем в соседнем подъезде Карлом Марксом. Во-вторых, маццинианские национально-освободительные, республиканские и антиклерикальные идеи понравились Гарибальди настолько, что отныне ему, герою-практику, не терпелось поскорее приступить к их воплощению в жизнь. Так Гарибальди умудрился почерпнуть в России революционную идею едва ли не раньше самих русских революционеров.

В конце этого же 1833 года Гарибальди начал службу по призыву в военно-морском флоте Сардинского королевства, обязательную для торговых моряков того времени. Впрочем, карьера его на этом поприще длилась всего тридцать восемь дней. На февраль 1834 года в Пьемонте было запланировано вооружённое восстание под общим дистанционным руководством Маццини. Революционный матрос Гарибальди, насвистывая «Эх, яблочко», без промедления отправился на главную площадь Генуи. Где выяснился неприятный факт: кроме него на революцию никто не явился.

Те из вас, кто знаком с географией Италии, сейчас, быть может, воскликнули: «Погоди, но ведь Генуя не в Пьемонте! Неудивительно, что он там никого не обнаружил». Загадка разрешается просто: Гарибальди был моряк. А в Пьемонте моря нет. Зато оно очень даже есть в Генуе. Так что всё логично. Тем более что в процессе теоретических построений Маццини как-то совсем упустил из виду необходимость пригласить на революцию широкие народные массы. Потому и в Пьемонте совершать её пришлось всего около сотни человек, большую часть которых составляли туристы из Франции и почему-то Польши. И хватило четырёх десятков полицейских, чтобы всех разогнать.

Как бы там ни было, это избавило Гарибальди от тягот дальнейшего прохождения службы, благо за попытку поднять антикоролевский мятеж его заочно приговорили к смертной казни. На корабль он решил не возвращаться и сбежал в Марсель. Оттуда уплыл в Чёрное море, а затем в Тунис. Как вы уже догадались, сто вёрст для него было – вообще не крюк.

В это время в Марселе разразилась страшнейшая эпидемия холеры. Несчастные больные марсельцы сидели на берегу и с тоской глядели в море.

Но чу!.. Что это за корабль на всех парусах летит к причалу?.. Что за человек в белом докторском халате стальной хваткой сжимает его штурвал?.. Смотрите, смотрите же!.. Это Гарибальди!

Едва припарковав корабль, наш герой со всех ног бросился к марсельцам. И всем по порядку давал шоколадку и ставил, и ставил им градусники. Как мы знаем из выпусков новостей, Марсель населяют преимущественно афрофранцузы. В процессе своего излечения они рассказали Гарибальди, что их афрособратьев в Америке линчуют. Джузеппе пришёл в ярость. Когда спустя пятнадцать дней эпидемия была наконец-то побеждена, он, не теряя ни минуты, запрыгнул обратно на корабль, сделал полицейский разворот и помчался к берегам Нового Света.

Может, конечно, ему и не очень хотелось тащиться в такую даль. Но он чувствовал необходимость помочь грядущим поколениям итальянских школьников, которым на экзамене попадётся вопрос: «Почему Гарибальди называют Героем двух миров?»

Неизвестно, как сложилась бы судьба США – да и всей остальной планеты, – если бы Гарибальди туда доплыл. Скорее всего, языком межнационального общения сейчас был бы не английский, а итальянский. Однако, как и все великие лигурийские мореплаватели, для которых поехать в Индию, а приехать в Америку было делом совершенно обычным, Гарибальди был слегка рассеян. Встречать его судно вышли не ковбои и индейцы, а полтора миллиона добрых мулатов. И все поголовно в белых штанах. «Да, это Рио-де-Жанейро!» – сказал себе Джузеппе и отправился на поиски кого-нибудь, кого можно было бы спасти от угнетения.

Долго искать не пришлось. Император Бразилии, носивший неожиданное для бразильца имя Педро Второй, в тот момент как раз угнетал свободолюбивых повстанцев Республики Пиратини. Гарибальди пришёл к вождям народно-освободительного антипедровского движения и заявил, что тоже желает стать революционным морским пиратинцем. Те незамедлительно вручили ему ключи от «Маццини» (не человека, а парохода) и дюжину отборных головорезов итальянского происхождения. С тех пор бразильские имперские торговцы не знали ни минуты покоя. Гарибальди брал на бордаж каждое их судно, отбирал у богатых рабовладельцев чёрных невольников и отдавал их бедным.

Летом 1837 года корабль Гарибальди повстречался с уругвайским военным крейсером. Увы, но уругвайские моряки не учились в школе, не читали учебников истории и потому не знали, кого атакуют. В противном случае они, разумеется, в ужасе бежали бы с поля боя. Гарибальди попытался указать им на ошибку, произнеся речь о важности всеобщего обязательного среднего образования, но упал, сражённый уругвайской пулей.

Сообразив, что они натворили, уругвайцы пришли в замешательство. С одной стороны, это же был сам Гарибальди. Следовательно, ему полагалось воздвигнуть памятник и организовать соответствующий музей. С другой – он всё же был пиратом. Значит, неплохо было бы его повесить. До выяснения всех обстоятельств Гарибальди отправили в ссылку-санаторий в аргентинскую деревню Гуалегуай, где его вылечили, обучили испанскому языку и верховой езде. Среди женской части местного населения Джузеппе произвёл истинный фурор, ибо далеко не каждый день в тех богом забытых местах появлялся настоящий живой итальянец.

Через семь месяцев общество провинциальных кумушек осточертело Гарибальди настолько, что он решился на побег. Его изловили, вернули обратно и подвергли пыткам. А именно: покусали москитами. Нет, я не выдумываю, это исторический факт. Возмущённые столь бесчеловечным обращением с их любимым Гарибальдичкой, кумушки сформировали штурмовые отряды и осадили тюрьму. Увидав, что ещё немного – и они своими руками сделают из Гарибальди лидера первой в истории матриархальной революции, власти спешно его отпустили, а чуть позднее и вовсе отправили назад в Пиратини.

Дела тамошних повстанцев обстояли плохо. Воспользовавшись отсутствием Гарибальди, империя нанесла ответный удар, отобрав у них все морские порты. Лишившиеся выхода к морю пиратинцы испытывали острую нехватку оружия и продовольствия.

Прибыв на место и оценив ситуацию, Джузеппе срочно построил два корабля, запряг их парой сотен волов, поднял все паруса, скомандовал: «Полный вперёд!» – и поехал к океану прямо по суше. Когда до имперцев дошли слухи, что Гарибальди изобрёл парусные танки, – они напряглись. Но в совершеннейший ужас впали, когда гарибальдийская эскадра наконец благополучно достигла моря – относительно благополучно, поскольку один из кораблей отважный сушеплаватель при спуске на воду всё же утопил – и атаковала портовый город Лагуна. В пять раз превышающие гарибальдийцев по численности имперские штурмовики обратились в бегство. В панике даже забыв сообщить куда следует о том, что повстанцы взяли порт. Потому

император Педро ещё долго продолжал слать в Лагуну – прямиком в руки Гарибальди – транспорты с оружием и провизией.

Кстати, в этот момент была одержана и другая победа: бразильские кумушки с разгромным счётом выиграли у кумушек аргентинских битву за самого Джузеппе. Донна Анна Мария ди Жесус Рибейру да Сильва стала Анитой Гарибальди, бросив ради такой okazji старого, скучного и надоевшего мужа. В сентябре 1840 года у них родился первенец, Менотти. Анита справедливо полагала, что глухая бразильская деревня – не лучшее место для патриотического воспитания ребёнка. Гарибальди принялся искать должность героя в каком-нибудь крупном городе и вскоре переехал в Монтевидео, в Уругвай.

Там как раз шла гражданская война. Плохие, глупые и злые уругвайцы, которые назывались «Бланкос» – поскольку любили белый цвет, всячески обижали хороших, умных и добрых уругвайцев, называвшихся «Колорадос» и предпочитавших цвет красный. Гарибальди получил звание колорадского полковника, а вместе с ним – форменную красную рубаху и форменную же окладистую бороду. Эти мужественные атрибуты на всю оставшуюся жизнь станут для него чем-то вроде треуголки Наполеона.

На стороне Бланкос в войну вступили аргентинцы, подстрекаемые своими кумушками, которые не могли смириться с проигрышем бразильянкам в гарибальдибол. Восемь лет, с 1843 по 1851 год, аргентино-бланковские войска осаждали Монтевидео. Осаждали, судя по всему, плохо. Гарибальди, ставший к тому времени главой колорадского военно-морского флота, вообще не замечал этой осады, регулярно уплывая на прогулки по реке Парана, во время которых экспроприировал в пользу революции всё, что плохо лежало на её, реки, берегах. То, что лежало хорошо, он тоже экспроприировал, просто с чуть большими трудностями.

Прознав, что быть уругвайским патриотом – очень выгодное занятие, к Гарибальди присоединились и другие итальянцы, из которых он сформировал аж целый Итальянский легион. Патриотничали они под чёрным флагом, символизирующим не то, о чём вы подумали, а, цитирую: «Везувий во время извержения». При виде такого количества настоящих итальянцев кумушки обеих стран пришли в совершеннейший восторг и не упустили случая использовать подвернувшуюся возможность. В результате тридцать пять процентов современных уругвайцев и сорок семь процентов аргентинцев имеют итальянские корни.

Воевал Гарибальди не только на море, но и на суше. Если разбудить посреди ночи любого итальянского школьника и спросить: «Где Гарибальди одержал свою первую великую сухопутную победу?» – тот без запинки ответит: «В битве при Сан-Антонио!»

Великая битва выглядела так. Гарибальди, возглавлявшего в тот момент отряд из двух-трёх сотен итальянских легионеров, окружила тысяча аргентинцев. Он засел на полуразрушенной вилле вблизи городка Сан-Антонио и целый день отстреливался от атакующих врагов. Ночью же, когда аргентинцы пошли спать, скрылся в неизвестном направлении, оставив противника с носом и в дураках. Так впервые проявился тактический гений Гарибальди, ничуть не уступавший, как легко заметить, гению фельдмаршала Кутузова.

Анита меж тем тоже не теряла времени даром, производя на свет будущих итальянских патриотов. Когда количество отпрысков достигло четырёх экземпляров, счастливые родители задумались о том, что детям следует дать качественное европейское образование.

Тут как раз удачно совпало, что вдохновлённый французской революцией 1848 года Маццини (человек, а не пароход) принялся трезвонить во все лондонские колокола, до каких только смог дотянуться, разбудив лучшие патриотические чувства итальянцев, а заодно и некстати подвернувшегося под руку Герцена. И по всему Апеннинскому полуострову запылали вооружённые восстания.

Полюбовавшись из окна на зарево революционного пожара, король Карло Альберто Савойский вышел к народу и сказал:

– Граждане, только без рук! Я всё осознал и исправился. Во-первых, вот вам конституция имени меня – Альбертинский статут. Во-вторых, поелику я теперь прогрессивный конституционный монарх, то супротив нужд и чаяний народных пойти не могу. Раз уж вам не нравится иностранное владычество над значительной частью итальянских земель, – тогда, так уж и быть, ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на австрийских оккупантов. А заодно, пользуясь случаем, мы прогоним этих замшелых абсолютистов, других королей. Да здравствует объединённая Италия! Да здравствую я, её будущий властелин!

Маццини, у которого Карло прямо из-под носа умыкнул республиканскую революцию, схватился за голову и лично побежал на место событий, спасти положение. Слишком поздно. Первая война за независимость Италии между Сардинским королевством и Австрийской империей уже началась.

Гарибальди меж тем резко вспомнил, что всю жизнь ненавидел венские штрудели так, что аж кушать их не мог, запрыгнул на корабль и в июне 1848 года выгрузил на пристань в Ницце багаж, состоящий из семьи, чемоданов и шестидесяти трёх легионеров в красных рубахах. После чего явился к Карло Альберто и отрапортовал, что он, дядюшка Джузеппе, приехал из Бразилии, дабы воевать с австрийцами. Нельзя сказать, что король от этой информации пришёл в восторг. На Гарибальди, в своё время пытавшегося его свергнуть, он был всё ещё несколько обижен.

– Подумаешь! – сказал Джузеппе. – Это всё пустяки, дело житейское. Главное, что мы с тобой создаём Италию! Италию, Карло!

Под напором столь убедительной аргументации король нехотя сдался и Гарибальди простил. Тот вышел на тропу войны с австрийцами и обнаружил, что её перегораживает запыхавшийся Маццини.

– Стой, куда?!.. Не пушу! – кричал тот, расставляя руки в стороны. – Зачем ты сражаешься за монархию? Ты же предаёшь наши общие республиканские идеалы. Не верь королям, даже конституции приносящим. Не советую. Съедят!

Стоит признать, совет был дельным. Глупый и злобный Карло Альберто уже передумал и решил Гарибальди арестовать. Но такие мелочи нашего героя отродясь не смущали. Наплевав на придворные интриги, он бросился на линию огня и... Нашла коса на камень.

Австрийцы применили секретное оружие: натравили на Гарибальди собственного национального героя, постигавшего науку побеждать под командованием аж целого Александра Васильевича Суворова ещё в те времена, когда этот последний ходил в свой знаменитый Итальянский поход. Того самого Йозефа Радецкого, столь популярного среди бравого солдата Швейка:

*Граф Радецкий, воин бравый,
из Ломбардии лукавой
клялся вымести врагов.*

Собственно, этим врагом и был Гарибальди. Будучи пусть и талантливым, но самоучкой, выпускнику суворовского военного училища он противопоставить ничего не смог. Радецкий клятву сдержал и успешно вымел Гарибальди в Швейцарию. Восхищённо наблюдавший за процессом выметания император Всероссийский Николай Первый на радостях пожаловал австрийскому маршалу почётную должность шефа Белорусского гусарского полка.

Раз уж совладать с австрийцами не вышло у самого Гарибальди, то у Карло Альберто шансов не было и подавно. В 1849 году, с треском проиграв войну, он отрёкся от сардинского престола в пользу сына, Витторио Эмануэле Второго, и уехал отдыхать в Португалию. Витто-

рио был своему глупому папаше не чета. Всякий, кто видел его роскошные усы, сразу же понимал: этот король – что надо король! Но к ним, к усам, которые ещё сыграют решающую роль в истории Италии, мы вернёмся чуть позже.

Маццини же, призывая чуму на все монархии дома мира разом, ретировался в Папскую область. Папа римский – пусть и вполне самодержец, но всё ж хотя бы не король. Тем более что взошедший за три года до того на Святой Престол Пий IX изображал из себя папу-либерала. Учредил светский государственный совет, издал конституцию, помиловал политзаключённых, разрешил плюрализм мнений, свободу прессы и даже вероисповедания. Маццини поспешил воспользоваться оказией и начал обустройства Римскую республику.

Но тут в Вечный город заявился отдохнувший в Швейцарии Гарибальди в свежестранной красной рубаше. И сообщил римлянам, что религия – опиум для народа, а всех попов хорошо бы развешать на фонарных столбах. Папе эта его идея как-то не очень понравилась, он резко передумал быть реформатором и отправил письмо Наполеону – другому Наполеону, уже Третьему, племяннику знаменитого дяди, – в котором слёзно умолял спасти его, папу, от Красного дьявола. Наполеоновский племянник выслал на подмогу корпус из пятнадцати тысяч французских солдат.

– Маццини предлагает сдать! – сказал Маццини.

– Дядя Пиппо, ты дурак? – поинтересовался Гарибальди. – Я ж Гарибальди. Гарибальди не сдаётся!

И приступил к героической обороне Рима с помощью устрашающей и смертоносной тактики, отработанной ещё в Сан-Антонио. А именно: забрался на холм Джаниколо неподалёку от Ватикана и почти целый месяц наотрез отказывался оттуда слезать.

– А Гарибальди выйдет?!.. – каждое утро кричали снизу французы.

– O Roma o morte! – Рим или смерть! – твёрдо отвечал им итальянский герой, цитируя собственные слова, что начертаны у подножия его, Гарибальди, конной статуи, удачно расположенной как раз на вершине Джаниколо.

Попавшие в столь хитроумную ловушку французы трепетали и запрашивали подкреплений. С юга к Риму приближались восемь с половиной тысяч бурбонских и девять тысяч испанских солдат. С севера же – что было гораздо хуже – маршем подходили австрийские чудобогатыри Радецкого. На этого почётного белоруса, как мы помним, у Гарибальди была острая аллергия. Потому, не дожидаясь его прибытия, в начале июля 1849 года Джузеппе спустился с холма и принялся маневрировать в направлении Сан-Марино. Победённые французы с горя заняли Рим, в котором будут вынуждены бессмысленно просидеть аж до 1870 года.

В процессе маневрирования Гарибальди изобрёл новую прогрессивную тактику ведения войны. «Мы будем порхать как бабочка и жалить как пчела! – решил он. – Будем идти целый день, а если увидим противника – быстренько его победим. И сразу же пойдём дальше».

Проблема заключалась в том, что тактика была даже излишне прогрессивной. Поскольку тем, кто не Гарибальди, всё же иногда требуется есть и спать. А вот этого момента план как-то не предусматривал. Уставшие непрерывно ходить и стрелять солдаты начали от него разбегаться. Не выдержала даже верная Анита.

– Джузеппе, – сказала она, – мне надоело. Я хочу обратно в Рим. Рим или смерть!

Гарибальди лишь раздражённо отмахнулся.

– Ах вот как?!.. – воскликнула Анита и действительно умерла.

Тут до Гарибальди дошло: что-то, видимо, пошло не так. Он расстроился, сел на корабль и отплыл по маршруту Генуя – Тунис – Гибралтар – Марокко – Ливерпуль – Нью-Йорк – Карибы – Перу – Китай. Там, в Китае, закупил дешёвое гуано – в буквальном смысле слова, удобрение – и начал возить его в Бостон транзитом через Австралию.

В общем, процесс объединения Италии зашёл в тупик. Необходимый для этого герой имелся, но занимался какой-то ерундой. Чтобы поставить геройские мозги на место, ему, как и любому герою, требовался мудрый наставник.

Камилло Бенсо, граф Кавур, президент совета министров Сардинского королевства, был человеком во всех смыслах выдающимся. Во-первых, он мог бы безо всякого грима играть в кино Пьера Безухова. Во-вторых, был он одним из хитрейших политиков той эпохи.

Достоверно неизвестно, зачем ему нужна была объединённая Италия. Он, как я уже сказал, был слишком хитёр, чтобы кому-либо об этом сообщать. Традиционно, впрочем, считается, что Кавур был большим патриотом. Эту версию и примем в качестве основной.

Начал он с обращения в литературное агентство Александра Дюма (того самого). Заказ формулировался так: «Создание, разработка и техническая поддержка образа национального итальянского героя». Дюма некоторое время сосредоточенно рассматривал потолок, после чего взялся за перо и выдал на-гора историю жизни и необыкновенных приключений Гарибальди, краткое содержание которой вы только что прочитали в моём пересказе. Нет, я вовсе не хочу сказать, что Гарибальди не совершал всего вышеописанного. Замечу лишь, что у Дюма была очень богатая фантазия.

Затем Кавур пошёл к Витторио Эмануэле Савойскому и заявил:

– Наша казна пустеет, милорд. Нужно больше золота!

– Где ж я тебе его возьму?.. – сокрушённо развёл усами король.

– Ну... говорят, у Бурбонов его много... – туманно обронил Кавур.

– И что с того? – удивился король. – Ты в курсе, какие проценты заломят эти жадины?

– А зачем платить проценты? Более того, зачем их вообще о чём-то спрашивать?..

– Так ты имеешь в виду... – наконец-то дошло до короля. – Но ведь у них есть армия!

– У нас есть Гарибальди! – отвечал Кавур, протягивая ему творение Дюма.

Витторио Эмануэле полистал рукопись, посветлел лицом и вскричал:

– Вот вам мой декрет, записывайте: отныне и впредь повелеваю считать Гарибальди другом короны и спасителем Отечества!

После этого Кавур отправился в Милан, к театру «Ла Скала». Там как раз давали оперу «Набукко» Джузеппе Верди. Хор из её третьего акта «Va, pensiero» считался в Италии жутко патриотичным и расценивался в качестве протеста против иностранной оккупации. После окончания оперы возбуждённая и преисполненная чувства национального самосознания публика вывалилась из «Ла Скалы» и увидела на соседней стене огромную надпись «Viva Verdi!» Неподалёку стоял Кавур, пряча за спиной испачканные в краске руки. Дурной пример заразителен: через несколько минут словами «Да здравствует Верди!» были разрисованы все доступные вертикальные поверхности.

На следующий день в подконтрольных Кавуру газетах вышли статьи, из которых следовало, что миланцы пишут на стенах аббревиатуру Viva V.E.R.D.I! – Viva Vittorio Emanuele Re D'Italia! – «Да здравствует Витторио Эмануэле, король Италии!»

– Ах вот оно что!.. – удивились миланцы. – А этот Витторио – он вообще кто?

– Так это же друг самого Гарибальди! – пояснили газеты. – Мы говорим Верди – подразумеваем Витторио Эмануэле. Мы говорим Витторио Эмануэле – подразумеваем Гарибальди. Мы говорим Гарибальди – подразумеваем Италия. Мы говорим Италия – подразумеваем «Да здравствует король»!

Логичность этой конструкции восхитила итальянцев настолько, что даже из самых отдалённых уголков страны – точнее, будущей страны – послышались неисчислимые возгласы:

– Вива Верди! Да здравствует нерушимый блок королевских усов и гарибальдийской бороды!

Короче говоря, Италия была подготовлена к объединению. Дело оставалось за малым: сообщить об этом Гарибальди. Уже четыре года, как тот вернулся домой, купил ферму на Сардинии, занимался разведением баранов и едва не лез на стену от скуки. Когда в декабре 1858 года Кавур предложил ему должность генерала вооружённых сил Сардинского королевства, истосковавшийся по подвигам герой согласился без раздумий. Тем более что в том же году умер маршал Радецкий, и война с австрийцами превратилась в лёгкое и приятное занятие.

Впрочем, Кавур дополнительно перестраховался и заключил антиавстрийский союз с Наполеоном Третьим. В 1859 году началась Вторая война за независимость Италии. Сардинско-французские войска при активном участии Гарибальди вышвырнули противника из Ломбардии, присоединив к владениям Витторио Эмануэле Тоскану, Эмилию-Романью и всякое по мелочи. За австрийцами остались лишь Венеция и некоторые районы на северо-востоке.

Правда вот, в обмен на помощь Наполеон-племянник забрал себе Савойю, и Савойская династия лишилась родового гнезда. Чтобы королю было не так обидно, в довесок к ней Кавур отдал французам и Ниццу. Хотя, возможно, это он сделал нарочно, дабы хорошенько разозлить Гарибальди. Что вполне удалось. Гарибальди такого отношения к своему родному городу, мягко говоря, не одобрил, сорвал генеральский мундир, вновь напялил красную рубаху, угнал в Генуе два парохода – ключи от которых Кавур предусмотрительно оставил в замках зажигания – и отправился срывать злость на Бурбонах. Машущий ему вслед платочком Кавур мысленно поздравил себя с блестящим завершением плана.

К Бурбонам Гарибальди поехал не один. В путешествии, которое войдёт в историю под названием *Spedizione dei Mille* – «Экспедиция Тысячи» – и станет величайшим из гарибальдийских подвигов, его сопровождали тысяча сто шестьдесят два человека. Были они не солдатами, а патриотами-добровольцами, набранными в буквальном смысле по объявлениям: доктора, профессора, медицинская сестра, с ними семьдесят студентов, а равно и других сугубо гражданских специалистов.

По первоначальной задумке весь этот разношёрстный сброд должен был быть хорошо вооружён. Деньги на оружие для экспедиции собирали всем миром. Даже полковник Кольт в знак уважения прислал из Америки сотню револьверов имени себя. Увы, но королевская полиция конфисковала все закупленные винтовки. Взамен выдал Гарибальди справку, гласившую, что «предъявитель сего до зубов вооружён и очень опасен». Каковым документом гарибальдийцы в первом же бою с лёгкостью поразили бы бурбонских солдат до глубины души. Пришлось патриотическому воинству экипироваться мушкетами и аркебузами едва ли не времён колумбовых и покоренья Крыма генуэзцами. Мало того, уже после отплытия выяснилось, что на пароходы в суматохе забыли погрузить патроны.

Гарибальди завернул в Тоскану, пришёл в ближайший военный форт, сообщил коменданту, что выполняет тайную миссию по приказу короля, и потребовал обеспечить его боеприпасами. Комендант пожелал взглянуть на документы.

– Патриотизм и отвага – вот мои документы! – отвечал Гарибальди. – Где ж ты видел, чтоб на сверхсекретное задание с паспортом и доверенностью отправлялись?..

Не найдя контраргументов, комендант выдал Гарибальди всё необходимое и несколько дней спустя угодил под трибунал за растрату казённого имущества.

В мае 1860 года Гарибальди высадился на Сицилии. Где нос к носу столкнулся с местной разновидностью пламенных борцов за счастье народное. С мафией. Дело в том, что мафиози считают себя вовсе не тем, чем полагаем их мы с вами. Они возводят свою родословную аж к «Сицилийской вечерне» – антифранцузскому национально-освободительному восстанию 1282 года, начало которому положила попытка французского солдата обесчестить местную девушку. На её защиту бросилась мать с горестным воплем «*Ma fia, ma fia!*», что означает «Дочь моя, дочь моя!» Сбежавшиеся на шум соседи то ли не расслышали, то ли не разобра-

лись, посчитав, что женщина выкрикивает аббревиатуру M.A.F.I.A – Morte Alla Francia Italia Anela – «Смерти Франции жаждет Италия», и с увлечением принялись убивать всех подвернувшихся под руку французов.

По другой же версии, MAFIA расшифровывается как Mazzini Autorizza Furti Incendi Avvelenamenti – «Маццини (да, тот самый) разрешает кражи, поджоги, отравления», возводя, таким образом, истоки мафии к благородному обществу Карбонариев, тоже вполне себе национально-освободительному.

Пусть все эти теории и не выдерживают критики с точки зрения лингвистики, истории, политической географии и здравого смысла, но всё же согласитесь: «я состою в мафии, поскольку мои предки сражались против оккупантов» – звучит гораздо более солидно, чем «я состою в мафии, поскольку люблю деньги и убивать людей».

Вот почему, когда сошедший с парохода Гарибальди заявил: «Сицилийцы, я пришёл дать вам волю и прогнать Бурбонов!» – мафиози, вытаскивая гарроты и лупары, дружно ответили: «Не волнуйся, Бурбоны – не проблема!» И всего через пятнадцать дней Сицилия была полностью очищена от бурбонских войск.

Слава великого дона Гарибальди летела впереди него. Когда он переместился на материк, в Кампанию, там его уже с распростёртыми объятиями ждала Каморра. У Бурбонов не осталось ни малейшего шанса.

В конце октября 1860 года Гарибальди встретился с прибывшим на театр военных действий Витторио Эмануэле. Два великих итальянца сразу же прониклись глубокой взаимной симпатией на почве общей любви к разведению растительности на лице. Дружески беседуя, вступили они в освобождённый от Бурбонов Неаполь, где Джузеппе оставил короля на хозяйстве, подсчитывать захваченные у врага золотые слитки, а сам вернулся к своим баранам на Сардинию.

Имя Гарибальди к тому моменту достигло такой популярности, что весной 1861 года на контакт с ним вышли американцы. Авраам Линкольн предложил итальянскому герою должность командующего войсками Севера в войне с Конфедерацией. Но Гарибальди соглашался начать переговоры лишь в том случае, если Линкольн заявит о немедленной и безоговорочной отмене рабства. Тот, однако, ещё колебался. Прокламацию об освобождении рабов он подпишет лишь год спустя. Так Гарибальди не стал американским генералом, зато доказал, что был привержен идеалам демократии и ценностям американского образа жизни даже сильнее, чем сам главный национальный герой США.

И всё же Джузеппе не сиделось на месте. Чего-то ему не хватало. Конкретно, – не хватало Рима. Летом 1862 года он вновь отправился на Сицилию, набрал корпус волонтеров и повёл их на завоевание Папской области.

Напомню, что в Риме всё ещё сидели давным-давно побеждённые им французы. Более того, теперь они считались союзниками новорождённого Итальянского королевства. И потому в Калабрии, неподалёку от горы Аспромонте, гарибальдийцам преградили путь правительственные итальянские войска. Завязалась перестрелка. Дабы не допустить ситуации, в которой одни граждане Италии убивают других, Гарибальди в полный рост встал между противоборствующими сторонами. И тут же получил две пули, одну – от чужих, вторую – от своих. Тяжелораненого героя арестовали и принялись лечить. Даже специально выписали к нему из России профессора Николая Пирогова (того самого). А Витторио Эмануэле излеченного Гарибальди сразу же простил и амнистировал. Я же говорил, что это был хороший, правильный король. Такие усы врать не могут!

Дабы как-то отвлечь Гарибальди от навязчивой папафобии, в 1866 году Италия начала Третью войну за независимость, в ходе которой он вновь получил возможность всласть поиздеваться над австрийцами, а заодно отобрать у них в пользу Италии Венето. На этом герой, однако, не успокоился и в 1867 году ещё дважды пытался взять Рим, оба раза неудачно. Его

вновь арестовали, но отпустили, ибо теперь он, как депутат парламента, пользовался неприкосновенностью.

В 1870 году началась франко-прусская война и французские солдаты наконец-то покинули Вечный город. В сентябре того же года, проломив крепостную стену вблизи ворот Порты Пиа, в него вошли итальянские королевские войска. Но Гарибальди участия в этом не принимал. Он уже сражался во Франции, на стороне новорождённой Третьей Республики. По словам Виктора Гюго, Гарибальди, имевший все основания Францию ненавидеть, стал едва ли не единственным человеком, который пришёл ей на помощь в тот тяжёлый момент.

Так завершается история Джузеппе Гарибальди, лучшего из итальянцев. История, но не жизнь. Прожил он до 1882 года, активно участвовал в политике, даже успел ещё раз жениться. И здесь явно напрашивается традиционная сказочная формула: «...и жили они все долго и счастливо». Увы, нет. Хотя суровые годы борьбы за свободу страны уходили вдаль, – за ними уже вставали другие. Никто тогда ещё и предположить не мог, насколько трудны они будут.

Заявившийся в Королевство обеих Сицилий Гарибальди каморристам очень понравился. Не, ну а чего? Грабит богатых, воюет с полицией, защищает простой народ – свой человек, социально близкий элемент! Плюс к тому, будучи людьми дальновидными, они сразу же сообразили, что эпоха перемен, грядущая за объединением страны, – отличная возможность половить рыбку в мутной воде. Потому и оказали Красному дьяволу всемерную поддержку.

Во избежание дальнейшей терминологической путаницы нужно сделать некоторые пояснения.

Под словом «мафия», традиционно ассоциирующимся с сицилийскими или италоамериканскими криминальными сообществами, сами итальянцы подразумевают любую организованную преступность, вне зависимости от её территориальной и даже национальной принадлежности. Но есть одно неперемное условие: мафия, чтобы считаться таковой, должна иметь выраженную пирамидальную организационную структуру с жёсткой вертикальной иерархией.

Каморра же исторически никогда не обладала и, забегая вперёд, – никогда не будет обладать этим признаком. С самого начала она представляла собой клуб независимых профессионалов, фрилансеров, преследующих в первую и единственную очередь свои личные, а не организационные интересы. Со временем, впрочем, каморристы начали объединяться в сотни мелких автономных кланов, делящихся по районному принципу, каждый из которых в любой произвольный момент мог либо создать союз с кланом другого района, либо войти с ним в состояние войны.

И если отдельный каморристский клан вполне подпадает под определение организации мафиозного типа, то вся Каморра, как социально-криминальное явление, – вовсе не мафия. А лишь обобщённое название для совокупности мафий региона Кампания в целом и его столицы Неаполя в частности.

Иным образом дела обстояли на Сицилии. Там, разумеется, как и на всей остальной территории бурбонского государства, существовала своя организованная преступность. Однако, вторичная и малозаметная по сравнению с блестящей и пышной столичной Каморрой. Даже не имевшая до поры собственного имени. Обретёт она его лишь в последней трети XIX века, когда в лексиконе журналистов и обществоведов впервые появится новое словосочетание: Коза Ностра.

Почему о ней вдруг заговорили? Да потому что события, последовавшие за объединением Италии, задали сицилийской мафии иной, принципиально отличный от Каморры вектор развития.

А времена и правда наступили смутнее некуда. Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Глава 2. Вернись в Сорренто

В Нью-Йорке левкой не пахнут.

Там с Бруклинского моста днями напролёт безработные в Гудзон кидаются вниз головой. Те же, кому повезло чуть больше – или меньше, как посмотреть, – безликими серыми толпами стекаются на фабрики и в конторы, где кланы Рокфеллеров, Ротшильдов и прочих волков с Уолл-стрит выжимают из них все соки до последнего цента прибавочной стоимости. А где-то в незримой вышине, скрытый дымом и смогом, злорадно и оскорбительно хохочет всемогущий Жёлтый дьявол.

Наступает вечер. Измученный город засыпает, тщетно пытаясь найти в душном забытии сна минуту отдыха и успокоения. И просыпается мафия. Итальянская.

Разумеется, это лишь набор штампов. Кроме мафии. Она существует, она итальянская, и она не дремлет.

Но... погодите. Вас ничего не смущает? Дон Корлеоне, что ты делаешь в Нью-Йорке? Ведь ты сицилиец, ты не можешь дышать здесь полной грудью. Ты же родился в самой, пожалуй, прекрасной на свете стране, воистину – *Bel paese*. Какой неведомый ураган сорвал тебя с места и перенёс в эти негостеприимные края?

И действительно: откуда в Нью-Йорке взялся целый район *Little Italy* – «Маленькая Италия»? Как получилось, что порой не такие уж и маленькие «Маленькие Италии» ныне можно обнаружить во многих и многих городах мира? Ведь настоящая, большая Италия – страна в планетарном масштабе довольно компактная. В последней четверти XIX – первой четверти XX веков её население составляло всего-то около тридцати миллионов человек. А эмигрировало из неё за тот же период более четырнадцати миллионов, по самым скромным оценкам.

Что же заставило в буквальном смысле половину страны, не беглецов от правосудия, не преступников, не мафиози, а обычных людей – крестьян, ремесленников, рабочих – вдруг собрать чемоданы, бросить дома и наделы и отправиться в чужие страны, где их не ждал никто, и всё нужно было начинать заново, меньше чем с нуля? Давайте попробуем разобраться.

Однажды, годах этак в пятидесятых XIX века, Камилло Бенсо ди Кавур, президент совета министров Сардинского королевства, совершал послеобеденный моцион по территории вверенного его заботам государства и предавался мечтам об объединении Италии. Как вдруг внимание его привлекла безобразная сцена: королевские солдаты чистили ружья толчёным кирпичом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.